
ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГИЯ

Е.Л. Сузрюкова¹

Новосибирская православная духовная семинария

**АНАФЕМА В РАССКАЗАХ А.И. КУПРИНА «АНАФЕМА»
И В.А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ТОРЖЕСТВО
ПРАВОСЛАВИЯ»**

В статье на материале рассказов А.И. Куприна и В.А. Никифорова-Волгина исследуется трактовка писателями понятия «анафема», выявляются литературные мотивы, с ними связанные, обнаруживаются семантические параллели между названными текстами. Объединяет рассказы время действия – первое воскресенье Великого поста, а также субъективный характер восприятия главными персонажами произведений сути анафемы, провозглашаемой именно в этот день во время богослужения. В рассказе «Анафема» движение сюжета сопряжено с ситуацией отпадения от православной церкви Льва Толстого, чьи сочинения любит читать дьякон Олимпий, повторяющий в определенном смысле путь своего кумира. Рассказ «Торжество православия» отражает вхождение ребенка в мир православной веры, чье осмысление сущности анафемы отличается от мнения «старух-невразумих» и наполнено жалостью к отпавшим. Кроме того, в статье рассматривается образ черного камня/черных камней, ассоциирующийся с центральной темой обоих рассказов.

Ключевые слова: анафема, В.А. Никифоров-Волгин, А.И. Куприн, Торжество православия, литературный мотив, семантика.

¹ Елена Леонидовна Сузрюкова, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Новосибирской православной духовной семинарии (Новосибирск).

E.L. Suzryukova

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

**ANATHEMA IN SHORT STORIES «ANATHEMA» BY
ALEXANDER KUPRIN AND «TRIUMPH OF ORTHODOXY» BY
VASSILY NIKIFOROV-VOLGIN**

The article examines the writers' interpretation of the term "anathema" on the material of A. Kuprin's and V. A. Nikiforov-Volgin's stories. The literary motifs associated with them are revealed; semantic parallels between these texts are established. The stories are united by the time of their action – the first Sunday of the Lent – as well as by a subjective understanding of the concept of anathema by the main characters which is proclaimed during the sermon on this day. In the story "Anathema" the development of the plot is connected with Leo Tolstoy's breaking away from the Orthodox Christian church. Deacon Olympy reflecting in a certain sense the way of his favourite writer likes to read Tolstoy's stories. The story "Triumph of Orthodoxy" shows the child's entrance to the world of the Orthodox church whose understanding of the essence of breaking away from the church differs from the idea of "old and not understanding women" and is full of pity to those who broke away. Besides that the article investigates the image of a black stone / black stones associated with the central topic of both stories.

Keywords: anathema, V.A. Nikiforov-Volgin, A.I. Kuprin, Triumph of Orthodoxy, literary motif, semantics.

Время действия двух названных рассказов связано с праздничной службой первого воскресения Великого поста – Торжеством православия, в чин которого входит и произнесение анафемы. Анафема следует за «провозглашением спасительных догматов веры» [Максимович, 2001, с. 276] и предваряет пение «Вечной памяти» усопшим и многолетия здравствующим христианам. Сам праздник Торжества православия исторически обусловлен восстановлением иконопочитания в 843 году.

Что представляет собой анафема и как она соотносится с другими частями праздничного чина? В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это понятие определяется следующим образом: «Анафема – церковное проклятие за грехи против церкви, за поношение веры» [Ожегов, 1997, с. 24]. Проклятие,

в свою очередь, в четвертом томе «Славянских древностей» трактуется как «словесная формула, пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица (группы лиц, народа <...> и т.д.); вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести урон обидчику, недругу, наслав на него злой рок; демонстративный акт разрыва семейных или социальных связей с человеком – нарушителем законов и обычаев» [Славянские древности, 2009, с. 286]. Однако церковное учение отрицает понятия рока и предопределенности; церковь – противник магии и, следовательно, обращается не к «магической силе слова», но вооружается словом молитвенным; пожелание бед и несчастий с точки зрения православного мировосприятия грех, умножение зла. Таким образом, использование термина «проклятие» по отношению к анафеме как части богослужения, а значит, молитвы по своей сути, ошибочно.

В «Православной энциклопедии» ключевым словом для определения сущности анафемы¹ служит «отлучение». «Анафема <...> – отлучение христианина от общения с верными и от Святых Таинств, применяемое в качестве высшей церковной кары за тяжкие прегрешения (<...> уклонение в ересь или раскол) и соборно провозглашаемое» [Максимович, 2001, с. 274]. Цель обращения церкви к этому крайнему средству – «врачующий» акт изоляции от сообщества верующих, акт воспитательный и в отношении анафематствованного, и в отношении сообщества верных. Анафема применяется после неоднократных тщетных попыток вызвать у совершившего преступление покаяние» [Максимович, 2001, с. 275]. Наложение анафемы предполагает возможность воссоединения отпавшего с истинно верующими в будущем, результатом этого должно стать покаяние отпавшего, осознание им опасности того духовного состояния, в котором он пребывает. Вместе с тем здесь есть и забота о людях церковных, которые могли бы соблазниться, к

¹ По замечанию К. Никольского, слово «анафема» «употреблялось еще древними греческими писателями и означало вещи, отделенные от обычных житейских вещей, посвященные Богу, то же, что дар, жертва Богу. <...> Посему вещь-анафема чужда обыкновенному употреблению. Отсюда человек-анафема чужд человеческому обществу» [Никольский, 2006, с. 9].

примеру, силой и авторитетом заблудшего, увлечься его идеями, но Церковь предостерегает их от ошибки.

В богослужении анафема занимает срединное положение между чтением церковных догматов – тех основ, что искажаются или отрицаются заблудшими – и поминовением усопших святых, которым поется «Вечная память». После отлучения еретиков и раскольников церковь молится о по-настоящему святых людях. Контраст для верующего сердца между ними явственен. Если первые – отрицательный пример того, как жить не надо, то вторые – образцы воплощения православной веры в своей жизни, которые служат образцом для христиан. В таком «соседстве» отлученных и святых в чине Торжества православия содержится, помимо всего прочего, и педагогический смысл.

Отношение к празднику Торжества православия в целом и к анафеме в частности – индикатор глубины и правильности понимания человеком православного христианства вообще.

В рассказах А.И. Куприна и В.А. Никифорова-Волгина наблюдается диаметрально противоположный взгляд персонажей на анафему, а значит, на интенции Церкви и само православие в целом.

Художественный текст А.И. Куприна – отражение негативного отношения к отлучению от церкви Л.Н. Толстого, чья личность для автора рассказа «Анафема» была авторитетной. Неслучайно это произведение А.И. Куприна было запрещено цензурой, а номера журнала «Аргус», где опубликовали данный текст, были отовсюду изъяты и подверглись сожжению.

Решение Святейшего Синода о несоответствии учения Л.Н. Толстого православному вероучению опубликовали 24 февраля 1901 года. Вот выдержки из упомянутого здесь текста: «<...> Новый лжеучитель, граф Лев Толстой, известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению, воспитанию своему, <...> в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние. <...> Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он на конце дней своих остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от молитв Церкви и от всякого общения с Ней» [Куприн,

1998, с. 540]¹. Отлучение Л.Н. Толстого было связано с его религиозно-философскими взглядами, с далеко отступающим от канона переложением Евангелия, а также с утверждениями, включенными в текст романа «Воскресение». Однако эти толстовские тексты остаются вне поля зрения как персонажа А.И. Куприна, так и самого автора.

Церковной службе и анафеме – ее части, – неоднократно определяемой в рассказе словом «проклятие», в тексте произведения противопоставлены фрагменты ранней повести Л.Н. Толстого «Казачи», которые воспринимаются главным героем как «прекрасные слова» (с. 495) и «простые, прелестные и бесконечно увлекательные образы» (с. 493). Речи Ерешки, прочитанные купринским персонажем (в начале текста он «отец дьякон» Олимпий, в конце – некто «необъятно огромный, черный и величественный, как монумент» (с. 498), подталкивают Олимпия отказаться от провозглашения анафемы Льву Толстому. Заметим, однако, что такая анафема в действительности не была объявлена, а сюжет рассказа А.И. Куприна – вымысел. Состоялась лишь публикация Послания Священного Синода.

В рассказе же А.И. Куприна дьякон, отказавшись от провозглашения анафемы автору «Казачков», объявляет ему многолетие. Этот шаг завершается желанием Олимпия оставить сан и гневным обращением к своей жене.

Но не настоящей творческой и духовной жизнью Л.Н. Толстого восторгается Олимпий, а его прошлым, по отношению к которому отлучение от Церкви является немотивированным. «<...> злобы не приемлю» (с. 498), – говорит персонаж о мотиве своего поступка. Таким образом, Олимпий не понимает, в чем суть неприятия Церковью воззрений Л.Н. Толстого, не понимает и сущности анафемы, ее смысла в чине Торжества Православия. В результате дьякон, как и Л. Толстой, отпадает от Церкви, будучи уверенным в собственной правоте, не посоветовавшись ни с кем о своих сомнениях, не попытавшись осмыслить причины и цель

¹ Далее текст произведения цитируется по этому изданию, номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

решения церковных властей. Сочувствие «несправедливо» обиженному графу-писателю и осуждение допускающей «злобу» «проклятия» Церкви – таков итог, к которому приходит купринский персонаж. По мнению И.А. Каштановой, исследующей данный рассказ, «ненависти и жестокости» автор «противопоставляет жизнелюбие, гуманное начало; лжи и лицемерию – естественность и искренность чувств; <...> унижению человека – величие его духа» [Каштанова, 1986, с. 66]. Первые, отрицательные, качества приписывает И.А. Каштанова Церкви, а вторые, положительные, – поступку Олимпия. Такое видение соответствует духу рассказа, но совершенно противоречит духу Церкви.

Отпадение от Церкви дьякона Олимпия начинается с мыслей. Они «никак не могли отвязаться от <...> повести» (с. 491), рассказывающей «о том, как на Кавказе жили солдаты, казаки, чеченцы, как убивали друг друга, пили вино, женились и охотились на зверей» (с. 491). Доверие помыслам, увлечение произведением писателя приводят к определенному следствию. Сюжет текста, таким образом, строится как история искушения, которое герой не преодолел. Как можно заметить, то, на чем сосредоточился Олимпий, – повествование о страстной мирской жизни. Персонаж не оценивает описанного Л. Толстым с духовной точки зрения.

Олимпий, чье имя соотносимо с дохристианским, языческим мировоззрением, по замечанию автора, обладал «стихийной <...> душой» (с. 491). Стихийность выступает здесь как неупорядоченность внутреннего мира героя, подверженность его изменениям, нестабильность. Мнительность дьякона, привычка «как всегда по воскресеньям» (с. 491) перед службой выпивать стакан водки, приходиться в храм «всегда <...> немного позднее, чем полагалось» (с. 495) и многие другие детали говорят об Олимпии как о человеке, религиозном лишь внешне. Отсюда проистекают непонимание им происходящего во время службы и оправдание богоотступника.

По мере движения сюжета Олимпий постепенно приобретает признаки болезненного и неживого состояния: «И вдруг Олимпий почувствовал, что волосы у него <...> стали тяжелыми и жесткими, точно из стальной проволоки» (с. 494-495). «Он был красен и весь в

поту. По обеим сторонам горла у него вздулись артерии, каждая в палец толщиной» (с. 495)]. Наконец, перед провозглашением многолетия вместо анафемы «лицо его стало синим, почти черным, пальцы судорожно схватились за перила кафедры» (с. 496). Он словно умирает для того, чтобы стать «точно каменным» (с. 497), «необъятно огромным, черным и величественным, как монумент» (с. 498). Метаморфоза человека в застывший камень-памятник – это результат поступка персонажа на метафорическом уровне текста. Описание внешнего вида Олимпия при завершении метаморфозы удивительным образом перекликается со словами из стихир при последнем целовании усопшего: «дух бо оскуде от селения, брение очернися, сосуд раздрася, безгласен, нечувствен, мертвен, недвижимъ» [Молитвы и песнопения православного молитвослова, 1994, с. 272], т.е. «дух ушел из [своего] жилища – и глина почернела; сосуд разбился; он безгласен, мертв, недвижим» [Молитвы и песнопения православного молитвослова, 1994, с. 272]. Для А.И. Куприна в этом фрагменте, вероятно, важен был смысл твердости решения дьякона, но, как видно, мотив превращения из живого в неживое тут тоже присутствует.

Олимпий напоминает царя зверей – льва. У дьякона «мощный звериный голос» (с. 491), он способен сотрясать «своим львиным ревом собор» (с. 493). Внешне он тоже напоминает льва: «Стоял он на своем возвышении, огромный, в золотом парчовом негнувшемся стихаре, с черными с сединой волосами, похожими на львиную гриву» (с. 492). В облике дьякона Олимпия выражается авторская позиция. Похожий на льва Олимпий ассоциативно связан через имя с Львом Толстым. «Анафема», таким образом, – рассказ об отпадении от Церкви двух «львов», двух гениев в своем роде (в начале текста об Олимпии говорится так: «<...> только один он во всем городе, а может быть, во всей России, мог бы заставить в тоне ре-фис-ля звучать старинный, темный, с золотом и мозаичными травками старинный собор» (с. 490-491). Причины отпадения – гордыня и непонимание учения Православной Церкви.

Протоиакон из рассказа В.А. Никифорова-Волгина, как и Олимпий А.И. Куприна, обладает «голосом редкостной силы»

[Никифоров-Волгин, 2003, с. 56]¹. Именно благодаря этому таланту он бывший волжский бурлак, оказывается замеченным митрополитом и получает свой сан. Его манера возглашения во время службы уподобляется в тексте «тяжелым волнам» и «синайским громам» (с. 59). В подобной характеристике голоса затрагиваются земное начало, где могут течь волны, и небесное, откуда гремит гром. Неслучайно природный звуковой «инструмент» протодиакона назван в рассказе еще и «широким», что ассоциативно указывает на Волгу (здесь усилена фамилия автора, актуализируется связь с его детством).

С целенаправленным движением воды соотносится в художественной системе рассказа не только подобное волнам пение протодиакона, но и «ручьистые бубенчики» (с. 57), которыми звенит епископская мантия. В тексте это перемещение потоков противопоставлено «воде мимотекущей» (о ней читает рассказчик в творении св. Тихона Задонского), не достигающей никакой цели.

Центральное событие «Торжества Православия» В.А. Никифорова-Волгина прямо названо в тексте: это «<...> приезд архиерея со знаменитым протодиаконом и чин провозглашения анафемы отступникам веры» (с. 55). Все происходящее показано в тексте с точки зрения ребенка-рассказчика. Данную особенность изображения художественной реальности в произведениях писателя отмечают С. Исаков [Исаков, 1992, с. 338] и О.Г. Мерзликина. По мнению исследовательницы, «детскость» – важное качество русского человека: «<...> русский человек и в Бога верит, как дитя» [Мерзликина, 2002, с. 263]. События, увиденные глазами искреннего верующего ребенка, отражают позицию по-настоящему верующего православного русского человека. При этом в тексте В.А. Никифорова-Волгина буквально реализуется евангельский призыв: «<...> если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Новый Завет, 1999, с. 50].

Рассказчик чувствует праздник так: «<...> мне было радостно, что наше православие такое могучее и просторное» (с. 59). Анафема же

¹ Далее текст произведения цитируется по этому изданию, номера страницы обозначаются в круглых скобках после цитаты.

как часть праздничной службы увязана в тексте с переживаниями страха и жалости. Жалость и любовь к отлученным, печаль об их отпадении – смыслы, передающие сущность объявляемой анафемы: «Хотя и объяснял мне Яков, что анафему не надо понимать как проклятие, я все же стоял в церкви со страхом» (с. 55); «И опять мне представилась гора, с которой падали тяжелые черные камни в дымную бездну/ Все отлучаемые от Церкви были этими падающими камнями. Вслед им, с высоты горы, Церковь пела трижды велико-скорбное и как бы рыдающее: “Анафема, анафема, анафема!” Церковь жалела отлучаемых» (с. 60). Такому взгляду на отлучение от церковного общения противопоставлена в рассказе точка зрения «старух-невразумих» (с. 55), поздравлявших друг друга по выходе из церкви: «С проклятыцем, матушка» (с. 55) и не ощущающих сути и сердцевины совершающегося. В обозначившейся оппозиции детского и старческого симпатии автора, безусловно, на стороне ребенка.

С образом черных камней – отступников – удивительно перекликается состояние купринского Олимпия после того, как он прервал богослужение (персонаж становится «точно каменным, с. 497), а в конце рассказа уподобляется «черному монументу» (с. 498).

Черные падающие камни в рассказе «Торжество Православия» соотносимы по цветовой характеристике с «делами тьмы» (с. 53), о которых поет в великопостной молитве отец рассказчика, и контрастируют здесь же с призывом облечься «во оружие света» (с. 53). Сами заблудшие названы «помраченными» (с. 60). Однако света и огня в произведении неизмеримо больше, чем тьмы и мрака, и свет тут представлен как в сакрально-церковном понимании, так и в конкретно-бытовых подробностях службы Торжества православия: «золотое шествие» духовенства» (с. 58); свечи и огонь, которыми осеняет молящихся епископ; «златовласая голова» протодиакона (с. 60). Свет, как и православие, торжествует в этом рассказе, и такое торжество, выражаемое в боли о человеке, а не злорадстве о его гибели, проявляется в жалости и скорби о помраченных, у которых еще остается шанс просветиться и наполниться светом вместе с истинно верующими. Неслучайны переключки чтения «ектеньи о возвращении всех отпавших в объятия Отца Небесного» (с. 59) до возглашения анафемы и молитва матери рассказчика после него: «Жалко их... Господи!..» (с. 60).

Таким образом, Олимпий из «Анафемы» А.И. Куприна почувствовал жалость к Л. Толстому и оправдал его для себя, а сострадания Церкви к отпавшим не понял. Герой же рассказа В.А. Никифорова-Волгина «Торжество Православия», напротив, улавливает «велико-скорбную и как бы рыдающую» (с. 60) тональность церковных молитв о заблудших, которым дорога назад не закрыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исаков, С. Забытый писатель – Никифоров-Волгин Василий Акимович. Дорожный посох / С. Исаков. – Москва: Советская Россия, 1992. – С. 330-339.

Каштанова, И. А. Чехов и Куприн в утверждении истинно человеческого («Архиерей» и «Анафема») / И.А. Каштанова // А.П. Чехов Проблемы жанра и стиля. Межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д: Издательство РГПИ, 1986. – С. 61-68.

Куприн, А. И. Повести, рассказы / А.И. Куприн. – Москва: Олимп, «ООО «Издательство АСТ», 1998. – 688с.

Максимович, К. А. Анафема / К.А. Максимович // Православная энциклопедия. Т.2. – Москва: Православная энциклопедия, 2001. – С. 274-279.

Мерзликина, О. Г. «Святая Русь» в произведениях В.А. Никифорова-Волгина / О.Г. Мерзликина // История российской духовности. – Санкт-Петербург: Нестор, 2002. – С. 262-264.

Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян), с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова. – Москва: Донской монастырь, 1994. – 368с.

Никифоров-Волгин, В. А. Заутреня святителей / В.А. Волгин. – Москва: Паломник, 2003. – 528с.

Никольский, К., прот. Что такое анафема? / К. Никольский. – Москва: Дарь, 2006. – 320с.

Новый Завет. – Москва: Издательство Сретенского монастыря, 1999. – 672с.

Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: Азбуковник, 1997. – 944с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. – Москва: Международные отношения, 2009. – 656с.

Ткаченко, А. Проклятие, которого не было. Церковь и Толстой: история отношений / А. Ткаченко [Электронный ресурс]. – URL:<http://azbyka.ru/proklyate-kotorogo-ne-bylo-cerkov-i-tolstoj-istoriya-otnoshenij.shtml>. (3.11.2017).

Шкловский, В. Б. Лев Толстой / В.Б. Шкловский. – Москва: Молодая гвардия, 1967. – 655с.